

Витька Вихров с детства отличался задиристым характером. Если в озорных детских играх назревал конфликт и Витькина сторона оказывалась в меньшинстве, он выходил впереди своих товарищей, вызывая соперников на бой. И он всегда бил первым. Это принесло ему славу первого драчуна и забияки в его родной рабочей слободке при большой железнодорожной станции.

Отца Витька не знал, он сгинул где-то ещё в Гражданскую, до Витькиного рождения. Жили они вдвоём с матерью в небольшом деревянном домишке, доставшемся матери от её родителей.

Несмотря на беспокойный характер, Витька не стал связываться с привокзальной шпаной — не нравились ему ни воровство, ни лихие ночные грабежи. После окончания семилетней школы он поступил в училище ФЗО, а затем пошёл работать в вагонное депо.

В армию Витьку призвали сразу после Финской и за год до начала Великой Отечественной войны. В армии красноармеец Вихров быстро освоился, приобрёл в части, где служил, много друзей, уважение командиров и вскоре стал неплохим пулемётчиком. Его хотели направить на курсы сержантов, но тут началась война.

Воевал Виктор хорошо, отличился в зимних боях, стал командиром отделения. Ротный хотел представить молодого бойца к медали «За отвагу», но ротного убили, а полк перестроили. Весной их полк попал в окружение, и почти весь полёг в густых лесах и некстати оттаявших болотах.

Виктора, раненного в голову и грудь, захваченного вражескими автоматчиками, ввели в блиндаж немцев. Холёный офицер, тщательно подбирая русские слова, начал допрос:

— Твой имя, звание, номер части? Имя командира? Сколько зольдат? Отвечат бистро, швайне!

— Сам ты шваль, — прохрипел Виктор и сплюнул кровь на блестящий сапог фашиста.

Истратив на это последние силы, солдат упал на подломившиеся колени. Немец зло пнул его сапогом в лицо. Двое вражеских солдат схватил Виктора за руки.

Офицер злым лающим голосом отдал команду и махнул перчаткой. Вихров понял, что его расстреляют, но не прямо здесь, а скорее всего за вражескими траншеями, возле болота, где его утром и схватили фашисты.

Немцы выволокли Виктора из блиндажа и, не дав отдышаться, повели к синеющему вдалеке редкому лесу. Тут из бокового хода траншеи солдат кто-то окликнул — видимо, их командир. Один из немцев, выпрямив грудь, ответил:

— Яволь! — и поспешил на зов.

Другой, коренастый коротконогий автоматчик в надвинутой на лоб каске, ткнул пленного стволом в бок и повёл дальше, к невысокому обрыву у болота.

Виктор еле доплёлся эти последние десятки метров. Немец то и дело подгонял его руганью и тычками. Нестерпимо болела голова, из простреленной груди сочилась и хлюпала кровь. Но желание выжить было сильнее всякой боли. У края обрыва Виктор остановился, постарался унять дрожь в теле, оглянулся на немца:

— Эй, фриц, дай закурить напоследок! — сказал он потряскавшимися губами с вызовом.

— Вас хаст ду? Шнеллер! (Что тебе? Быстрее!)

— Курить, говорю, дай, бестолочь лупоглазая!

Виктор сгорбился, прижав руку к груди.

Немец попался уверенный в себе и потому глупый. Он шагнул к пленному и поднял автомат для удара. Виктору только этого и было нужно. Резким ударом он сбил с ног фашиста, перехватил оружие и выпустил короткую очередь в лежащего врага.

Медлить было нельзя, и Виктор бросился к спасительному болоту. Первая пулемётная очередь из ближней

стрелковой ячейки была неприцельной — немцы не ожидали такой наглости. А от других вражьих пуль русский солдат ушёл, умело прикрываясь обрывом, деревьями, кочками, спасительным холодным туманом.

Два дня Вихров шёл на восток. На его счастье, наши войска в это время нанесли контрудар. Виктор вышел к своим, попал в медсанбат. Однако сразу же после санбата бдительные органы его арестовали как возможного дезертира и пособника оккупантов. Окруженцев, в числе которых оказался и Вихров, отправили в сортировочный лагерь.

В этом лагере большинство контингента составляли военные, совершившие те или иные преступления, и люди из освобождённых от фашистов областей. В первую же ночь в лагере к Виктору, едва оправившемуся от ран, подвалили блатные. Скорее всего, это была воровская шайка из только что освобождённого города.

— А вот ещё один фашистский прихвостень! — блестя фиксой в наглой ухмылке, говорил молодой вор, в упор глядя на Виктора. — Мы там страдали за товарища Сталина, за народ. А ты там фрицевский хлеб жрал с шоколадами, ихних барышень щупал? А-а, гад!

Вор выхватил из рукава тонкую заточку, но Виктор ловким движением выбил её. Другие блатари тесным кольцом окружили их. Конечно, новичка следует проучить и указать место, а если у него есть что-то более-менее ценное, то и обобрать его. Но новенький оказался не из робкого десятка.

— Ты что туфту гонишь, фиксатый?! Не был я предателем и не буду. А то, что мы отступили перед врагом и друзья мои погибли, а я нет, — значит, мне судьба такая — дальше бить фашистов!

И Виктор ударил первым. Снова, как он привык с детства. Сейчас же вся свора блатных набросилась на него. Началось жестокое избиение.

— Полундра! — закричал кто-то из армейских. — Наших бьют!

В бараке началась всеобщая драка. Но уже распахнулись двери и ворвались вохровцы с винтовками:

— Стоять! Разойдись! Стрелять будем!..

Начальник лагеря, седоусый майор НКВД, с пустым правым рукавом кителя, навестил Виктора в лазарете:

— Ну ты орёл! Не сдрейфил перед бандюганами, дал отпор как надо. Эх, были бы у нас все такие бойцы — не сдали бы мы Киев фашистам и не потерял бы я там свою руку. Ладно, парень, поправляйся, да не залёживайся. Я на тебя отправил рапорт, ну, чтобы оправдали. Пойдёшь в дисбат, а там снова на передовую. С такими хлопцами мы победим!

Так Виктор вскоре снова оказался на фронте. И воевал до Победы.

Домой, в свой родной рабочий посёлок, Виктор вернулся в последние дни лета. Первым делом пришёл в бедный дом матери. Он оглядел своё хозяйство, прикидывая, что надо подлатать немедленно, а что потерпит и до зимы. Мать, сильно постаревшая за эти годы, то плакала от радости, что увидела сына, то, поджав сухие губы, рассказывала о своих горестях, о соседях и ровесниках Виктора: кто погиб, кто пропал без вести, кто ещё дослуживает или отбывает срок.

— Такие беды все пережили — ужас! Посёлок совсем бы обезлюдел, если бы не эвакуированные. Но вот и они разъезжаются. Неужели у нас теперь жизнь наладится? Что там власти говорят? — спрашивала мать, заботливо глядя на своего совсем взрослого сына, отчасти ставшего чужим.

— Наладится, мать, — ответил Виктор, с удовольствием поедая молодую картошку, не щедро политую горьковатым конопляным маслом, и огурцы с зелёным луком. — Наладим. Лишь бы нам больше никто не мешал. Жить.

После обеда и недолгого отдыха он вышел из дома. Прошёлся по пустынной пыльной улочке посёлка до вагонного депо, где работал до армии. В депо его приняли с радостью: работы много, а опытных рабочих нет, трудятся и женщины, и подростки. Договорились, что Вихров выйдет на смену с завтрашнего утра, с понедельника.

А вечером Виктор отправился на танцплощадку, расположенную возле клуба железнодорожников.

Несколько голых электрических лампочек горели только на пяточке-сцене, оставляя края площадки в полумраке густеющих сумерек. Девушек и молодых женщин было

много, а вот кавалеров хватало далеко не всем, поэтому многие из них танцевали со своими подругами. Парни были в основном молодые, едва вышедшие из детского возраста. Было несколько «белобилетников» в кургузых пиджачках да несколько инвалидов — вчерашних солдат.

Но в этот вечер на танцплощадке царил один человек. Виктор сразу его узнал, хотя они не виделись лет пять-шесть. Яшка Коростелёв, одногодок Вихрова, парень с соседней улицы, стоял прямо перед сценой в пятачке света, окружённый стайкой девушек. Выглядел он настоящим франтом: хромовые офицерские сапоги, новая гимнастёрка под кожаным ремнём. На гимнастёрке сверкали две медали и орден. Яшка курил папиросу из пачки и рассказывал, видимо, что-то весёлое, так как девушки то и дело прыскали от сдерживаемого смеха.

Но самое ужасное, Виктор сразу это заметил, — рядом с Яковым стояла Лидка Семёнова, самая красивая девушка их посёлка. Та самая Лидка, из-за которой он разбил немало носов и наставил немало синяков пацанам, которые рисковали пройти мимо её дома. Та, с которой он в седьмом классе сидел за одной партой и провожал после уроков домой. Та, которой он, уходя в армию, бросил на крыльцо букет астр, тайком сорванных возле управления железной дороги. И вот теперь она стояла, такая прекрасная даже в простом ситцевом платье в горошек и ботиночках с парусиновым верхом, и такая недоступная; теребя густую косу, глядя в сторону, чему-то тихо улыбаясь.

Виктору стало невыносимо грустно. Он одёрнул свою выцветшую, заштопанную гимнастёрку, повернулся, чтобы уйти, но тут его заметил Коростелёв:

— О-о, кого я вижу! Витёк, дружище, подходи, угостись папироской.

Вихров обернулся, проигнорировал протянутую руку Коростелёва, не спеша достал из кармана кисет и резаную газетку, свернул самокрутку.

— Здоров, Яков. Нет, я курю только свои.

Яша растерянно заморгал, сунул в карман папиросы.

— Н-ну, зря ты, Витя. Мы же все воевали, хлебнули, как говорится...

— Да уж. А ты, как вижу, при штабе «воевал»?

Яков повернулся вполоборота, и лицо его скрыла тень.

— Я был ординарцем у генерала. Знаешь, в каких переделках пришлось побывать?

— Поня-ятно. А мы, пехота, всё по окопам прятались. Так!

Виктор сжал кулаки, его бросило в жар, и застучало в висках. Боковым зрением он увидел, что несколько парней, увидев начинающуюся ссору, оставили своих дам и двинули с ним. Девушки тоже всполошились:

— Витя, Яша, не надо, не надо! Перестаньте! Пойдёмте танцевать!

Но парни уже сошлись грудь в грудь. Виктор взял соперника за поясной ремень, а Яков схватил его левой рукой за плечо, а правую освободил для замаха...

Оркестр прервал музыку.

— А сейчас, граждане и гражданочки,— громко объявил молодой еврей-скрипач и сверкнул бельмастым глазом,— белый танец, вальс! Дамы приглашают кавалер-ров! Начали,— он тряхнул чёрными кудрями своему оркестрику, и сразу зазвучала музыка: «Пам — та-та-та — та-ра-ра — та-та-та!»

Якова обняла и чуть не силой увлекла в танец рослая крепконогая девица. А вот от Виктора все девушки как-то враз отхлынули. Он постоял секунду, ощущая затихающее напряжение в мышцах и нервах. Вдруг сзади кто-то осторожно взял его за локоть.

— Я приглашаю тебя,— произнёс знакомый милый голос.

— Лида... конечно,— только и смог сказать Виктор.

Они кружились в танце, ощущая волнующую близость молодых тел. Виктор не мог оторвать взгляда от её лица, её волос. А Лида, прильнув к его груди, к нашивкам за ранения, шептала:

— Я так счастлива сегодня! Я всю войну ждала только тебя, Витя! Знаешь, я даже в церковь бегала, в ту, старую, при кладбище. Там служил один ссыльный поп... вообще-то он хирургом работал в госпитале, но ему разрешили и в церкви... он очень добрый человек. Он говорил мне: верь и жди, проси Бога — и придёт твой суженый. И я молилась... за нас с тобой. Ты вернулся живой — и я больше никогда с тобой не расстанусь!

Виктор покрепче прижал девушку к себе. Он понял, что только что получил свою самую большую в жизни награду.